

Обзоры

ЭКСКУРС «РЕШИТЕЛЬНОГО ЛЕВОГО» ЦИ БЭНЬ-ЮЯ В ИСТОРИЮ ТАЙПИНОВ

Современная официальная трактовка в КНР истории тайпинского восстания (1850—1864 гг.) сформировалась под очевидным влиянием статей Ци Бэнь-юя, опубликованных в 1963—1964 годах. Как стало теперь известно из сборника «Да здравствуют идеи Мао Цзэ-дуна!», на первой статье Ци Бэнь-юя было начертано рукой «великого кормчего»: «Черным по белому изложены железные аргументы, непоколебимые, как горы. Раз в конце жизни не сохранил верность, значит, не может служить примером». Так Мао Цзэ-дун охарактеризовал роль Ли Сю-чэна — одного из вождей тайпинов. Не удивительно поэтому, что, хотя сам Ци Бэнь-юй уже сошел с политической арены, в настоящее время маоисты пользуются высказанными им идеями.

Впервые имя Ци Бэнь-юя появилось в печати под приветствием работников пекинского трамвайного парка Мао Цзэ-дуну в пекинской городской газете «Бэйцзин жибао» (1958)¹. Через пять лет (по-видимому, после учебы Ци Бэнь-юя в университете) он вновь выступил на политической арене, на этот раз со статьей, привлечшей внимание китайской общественности. Это выступление Ци Бэнь-юя в августе 1963 г.² послужило сигналом к началу политико-идеологической кампании, направленной на пересмотр оценки Ли Сю-чэна. Дальнейшая карьера Ци Бэнь-юя проходила молниеносно. Он стал инициатором ряда новых кампаний: против историка и драматурга У Ханя, а также против периодических изданий, выпускаемых Пекинским горкомом КПК. Ци Бэнь-юй первым в официальной печати назвал имя «главного врага» маоистов внутри страны — Лю Шао-ци. Его возвышение до должности члена «группы по делам культурной революции при ЦК КПК» вызвало некоторое сопротивление в разнородной хунвэйбинской среде. В декабре 1966 г. появились дацзыбао с лозунгами: «Долой Ци Бэнь-юя!», но другие хунвэйбины заклеивали их плакатами: «Ци Бэнь-юй — решительный левый!». В марте 1967 г., по сообщению гонконгских газет, он был назначен заместителем главного редактора «Хунци». Падение наступило столь же быстро, как и взлет. В феврале 1968 г. Ци Бэнь-юй вместе с группой других «ультралевых» застрельщиков «культурной революции» попал в немилость. Выступая 20 апреля 1968 г., Чжоу Энь-лай заявил: «Вопрос об этих мелких пресмыкающихся — Ван Ли, Гуань Фэне и Ци Бэнь-юе — решен ЦК КПК»³. В настоящее время Ци Бэнь-юй пребывает в политическом и научном небытии. Давняя попытка Ци Бэнь-юя фальсифицировать историю тайпинского восстания заслуживает внимания как опыт авангардного сражения, проведенного Мао Цзэ-дуном на дальних подступах к «культурной революции», как пример использования маоистами исторических аргументов в политической схватке.

Как известно, в ходе крестьянской войны середины XIX в. повстанцы выдвинули идеал справедливого общества «великого благоденствия» (тайпин), в соответствии с которым предусматривалось уничтожение помещичьей собственности и уравнительное перераспределение земель. Под властью созданного ими «Небесного государства великого благоденствия» (Тайпин тяньго) оказались бассейн р. Янцзы и значительная

¹ «Who is Who in Communist China». Hong Kong. Vol. I, 1969, p. 129.

² Ци Бэнь-юй. Пин Ли Сю-чэн цзы шу (Критика автобиографии Ли Сю-чэна). «Лиши яньцзю», 1963, № 4.

³ «Цзуго», 1968, № 52, стр. 38.

часть Южного Китая. Одним из самых авторитетных вождей движения был Ли Сю-чэн, обвиненный маоистами в измене. Он стал рядовым солдатом тайпинской армии только через год после начала восстания. За проявленную храбрость его вскоре (в 1854 г.) назначили старшим командиром. Затем в 1857 г. ему доверили командование большим отрядом в 6—7 тыс. человек (по его словам, «жалким войском», состоявшим из старых и больных бойцов). Ли Сю-чэн переформировал ряды своих подчиненных, организовав самое мобильное и боеспособное соединение в тайпинской армии. Оно появлялось на фронтах в самые критические моменты. Численность его превышала иногда 100 тыс. человек. К концу восстания Ли Сю-чэн фактически стал главнокомандующим повстанцев. Император тайпинов Хун Сю-цюань пожаловал ему титул «Верного князя» (Чжун-вана). Военские подвиги и деятельность в защиту крестьян принесли Ли Сю-чэну огромный авторитет и популярность. Ему посвящено несколько пьес и прозаических произведений. Имя его знал каждый грамотный китаец середины XIX века. Фольклористы записали народную песню в районе Сучжоу, где он сражался: «Как помещик увидит Чжун-вана, ему кажется: перед ним владыка ада»⁴.

После поражения восстания Чжун-ван был схвачен солдатами правительственной армии. В тюрьме за 8 дней он написал обширное «Показание» — свыше 30 тыс. иероглифов (то есть около 100 машинописных страниц в русском переводе), сообщив уникальные сведения о внутренней жизни лагеря восставших⁵. Многие из них не поддаются проверке по другим материалам. Поэтому особое значение для оценки возможностей использования историками рассказа Чжун-вана приобретает уяснение его весьма сложной позиции. Ли Сю-чэн писал достаточно откровенно. Он не скрывал своих разногласий с главным вождем восставших — Хун Сю-цюанем, с горечью повествуя о разброде в тайпинском руководстве. Чувствуются духовная усталость Чжун-вана, досада на ошибки, сделанные им самим и его соратниками. В заключительной части рукописи он предложил командующему императорской армией Цзэн Го-фаню добиться, чтобы остатки войск тайпинов прекратили военные действия при условии амнистии всем участникам движения. Он призвал Цзэн Го-фаня обратить внимание на необходимость организовать оборону Китая от «заморских дьяволов» (европейцев), ссылаясь на собственный опыт борьбы с ними.

Рукопись Ли Сю-чэна обрывается на середине фразы: «Если бы я знал...». Автор никак ее не озаглавил. Термин «автобиография» впервые использован в раннем английском переводе памятника⁶. В судопроизводстве подобного рода материалы называют «показаниями». Так Цзэн Го-фань и озаглавил свое сокращенное издание текста⁷. Это название точнее отражает условия, в которых раненный в руку и ногу крестьянский полководец лихорадочно писал накануне казни. Слово же «автобиография» предполагает явно другую ситуацию.

Среди историков давно уже существуют разногласия в оценке последних замыслов Ли Сю-чэна. Фань Вэнь-лань объяснил готовность Чжун-вана к пространному изложению желанием «использовать последнюю возможность рассказать правду о Тайпинском государстве... оставить будущим революционерам печальное назидаение»⁸. Но в тексте «Показания» трудно найти какие бы то ни было элементы «печального назидаения». Не случайно крупнейший знаток истории тайпинов Ло Эр-ган предложил иную, более убедительную трактовку. По его мнению, в уничтоженной следователями и не дошедшей до нас части «Показания» Ли Сю-чэн предложил Цзэн Го-фаню (китайцу по национальности) союз не только против капиталистических агрессоров, но и против маньчжурской династии Цин. Как он считает, Ли Сю-чэн желал ввести Цзэн Го-фаня в заблуждение и продолжить свою борьбу; его предложения были не предательством, а тактической хитростью. Между императором и Цзэн Го-фанем действительно имелись серьезные разногласия, которые хотел использовать Чжун-ван. Но классовые

⁴ Ло Эр-ган. Тайпин Тяньго шигао. Пекин. 1957, стр. 386.

⁵ Труд Ли Сю-чэна переиздавался свыше 10 раз. Наилучшая комментированная публикация: Ло Эр-ган. Чжун-ван Ли Сю-чэн цзычжуань юаньгао цзяньчжэн. (Подлинник автобиографии Чжун-вана Ли Сю-чэна). Пекин. 1957 (рус. пер.: «Тайпинское восстание». М. 1960, стр. 192—270).

⁶ «Autobiography of Chung Wang». Shanghai. 1865.

⁷ «Вэй Чжун-ван гун» («Показания лже-верного князя»). Шанхай. 1865.

⁸ Фань Вэнь-лань. Новая история Китая. Т. I. М. 1955, стр. 236.

интересы феодалов оказались сильнее их междоусобиц. Замысел Ли Сю-чэна, как справедливо указывает Ло Эр-ган, не соответствовал ни реальности, ни целям его борьбы⁹.

В советской науке уже отмечалось, что «Показание» не преследует одну-единственную цель — обман Цзэн Го-фаня. В нем отсутствует единство замысла¹⁰. Не только горечь поражения и не только политический расчет владела сознанием Ли Сю-чэна. Забывая порой о своем первом читателе — Цзэн Го-фане, он с гордостью описал собственные подвиги и героизм других тайпинских полководцев. По его словам, он всего лишь два года учился грамоте у своего дяди по материнской линии. На самом деле в перерывах между боями Чжун-ван упорно занимался самообразованием. Существует легенда о том, будто новобранца Ли Сю-чэна какой-то тайпинский командир хотел казнить за чтение восставшими запрещенных старых книг¹¹. Так или иначе, но отдельные части «Показания», написанного автором, обладавшим сравнительно небольшим иероглифическим запасом, достигают высокого литературного уровня. В тексте рукописи слились трудноразличимые оттенки полуправды и правды, мужицкая хитрость крестьянского предводителя и искренность уставшего бойца, которому уже нечего терять. В конце первой половины «Показания» обнаруживается новая тенденция. Ли Сю-чэн вспоминает, где, когда, при каких обстоятельствах он милостиво обходился с врагами. В этих небольших, как бы случайных отступлениях он иногда проявляет сознательное лицемерие. Так, говоря об измене тайпинского командира Ли Чжао-шоу, Ли Сю-чэн пишет, что он никогда не упрекал его. Ло Эр-ган указал на сохранившееся письмо Чжун-вана к Ли Чжао-шоу, в котором Ли Сю-чэн угрожал ему смертью¹².

Другая попытка объяснить противоречия источников была предпринята в 1956 г. Нянь Цзы-минем и Шу Ши-чэном¹³, пытавшимися доказать, что рукопись подделана приближенными Цзэн Го-фаня. Они опирались на заключение судебно-медицинской экспертизы о несоответствии почерков одного раннего письма Ли Сю-чэна и оригинала «Показания». «Ученые записки Восточно-китайского педагогического института» с их статьей вышли в ноябре¹⁴, и тогда же — 19 ноября 1956 г. — на страницах «Жэньминь жибао» появился сочувственный обзор статей Нянь Цзы-миня и Шу Ши-чэна. В развернувшейся дискуссии приняло участие около 10 авторов. В ходе споров был выдвинут ряд новых неопровержимых аргументов в пользу подлинности рукописи Ли Сю-чэна (употребление гуансийского диалекта, замена табуированных тайпинами иероглифов, осведомленность автора, его культурный уровень и т. д.). Хотя Нянь Цзы-минь и Шу Ши-чэн выступали вроде бы в защиту Ли Сю-чэна, они стремились уйти от объяснения сложной и противоречивой позиции, занятой им на следствии. Это обстоятельство объединяет их с последовавшим через семь лет выступлением Ци Бэнь-юя, который превратил научный спор о мотивах поведения Ли Сю-чэна на следствии в политическое обвинение «Верного князя» как человека, изменявшего крестьянству с самого начала его участия в восстании.

Несоответствие построения Ци Бэнь-юя элементарным профессионально-историческим требованиям уже отмечено советскими историками¹⁵. Однако его взгляды требуют особого рассмотрения как политический документ, характеризующий систему мышления и методы маоистов. Данный вопрос представляет интерес и с точки зрения оценки личности и деятельности Ли Сю-чэна, в частности, выяснения того факта, что его идеализация исходит отнюдь не из марксистской, а из революционно-демократической историографической традиции.

⁹ См. Ло Эр-ган. Подлинник автобиографии Чжун-вана Ли Сю-чэна, стр. 99—132.

¹⁰ См. Ф. Б. Белелюбский. Рецензия на книгу: Ло Эр-ган. Подлинник автобиографии Чжун-вана Ли Сю-чэна. «Вопросы истории», 1957, № 3, стр. 187.

¹¹ См. Г. С. Кара-Мурза. Очерки новой истории Китая. Вып. III. М. 1940, стр. 86.

¹² «Тайпин Тяньго». Т. II. Шанхай. 1952, стр. 695.

¹³ См. «Хуадун шидасюэ бао», 1956, № 4.

¹⁴ См. Ло Эр-ган. Дискуссия о подлинности рукописи автобиографии Ли Сю-чэна. «Вопросы истории», 1958, № 9, стр. 213.

¹⁵ См.: В. П. Илюшечкин. Современная китайская историография крестьянской войны тайпинов. «Вопросы истории и историографии Китая». М. 1968, стр. 201; Г. В. Ефимов. Историко-библиографический обзор источников и литературы по новой истории Китая. Ч. III. Л. 1972, стр. 119.

Маоистский историк буквально воспринимает формальные, традиционно льстивые слова и тактические хитрости узника. Приведенную выше версию Ло Эр-гана о «притворной сдаче» Чжун-вана ханжествующий Ци Бэнь-юй пытается опровергнуть своими презрительными репликами по поводу покаянных высказываний пленного полководца тайпинов и цитатами, взятыми из переписки его палачей: «Молит о жизни, как тигр, попавший в западню; можно только посмеяться», — с удовольствием цитирует Ци Бэнь-юй письмо одного из вождей реакции, Ли Хун-чжана, обращенное к Цзэн Го-фаню. «Показание» названо маоистом «Признанием». «Верный князь не является верным», — писал он. Упоминания Ли Сю-чэна о «воле неба», «судьбе» и т. д. Ци Бэнь-юй называет «чепухой» и сводит исключительно к влиянию феодальной идеологии; то, что у Чжун-вана был дворец, от которого сохранились остатки, он считает свидетельством моральной неустойчивости полководца, передачу им своих личных средств на нужды обороны — всего лишь доказательством того, какими ценностями он располагал¹⁶. Как известно, основоположники марксизма, критически оценивая религиозную форму идеологии социального протеста в средние века, отчетливо понимали ее историческую обусловленность и никогда не отзывались пренебрежительно о религиозных чувствах ее последователей.

Ли Сю-чэн действительно упоминал в «Показании» о передаче им в тайпинскую казну 100 тыс. лян — огромной суммы, равной земельному налогу, уплачиваемому за год почти 250 тыс. крестьянских семей¹⁷. Правда, Ло Эр-ган обнаружил донесение маньчжурского лазутчика о том, что Ли Сю-чэн собрал лишь 70 тыс. лян¹⁸. Но Ци Бэнь-юй в данном случае удобнее придерживаться буквы источника. Указанные средства были получены Ли Сю-чэном не путем эксплуатации, а являлись военной добычей. Имущество других тайпинских руководителей также было весьма значительным. Все тайпинские вожди отошли от ранних аскетических идеалов движения и жили во дворцах, все они приняли религиозное учение Хун Сю-цюаня. Ци Бэнь-юй не может об этом не знать, но ему важно любыми средствами противопоставить Ли Сю-чэна остальным руководителям восстания. Пользуясь приемами Ци Бэнь-юя, следовало бы заклеймить позором за потерю бдительности прославляемого им полководца тайпинов — Ин-вана («Храброго князя») Чэнь Юй-чэна, земляка и друга Ли Сю-чэна. Ци Бэнь-юй противопоставляет Ли Сю-чэну и другого руководителя движения — Хун Жэнь-ганя, предпочитая не упоминать ни о борьбе последнего против китаеццентристского чванства, ни об его уступках феодальной идеологии, в частности предложении запретить простолюдинам «строить дома, похожие на княжеские»¹⁹.

Итак, Ци Бэнь-юй отбрасывает все источники, противоречащие его обвинениям. Точно так же он обращается и с «Показанием» Ли Сю-чэна. Трудно не заметить, что Чжун-ван не указал численность и вооружение уцелевших повстанцев, отлично ему известные. Он уклонился и от сообщения о тайниках с драгоценностями. «Верный князь» предлагал послать его в сопровождении одного-двух чиновников, чтобы лично убедить тайпинов сдаться. Если даже в плену тайпинские солдаты падали на колени перед своим связанным командиром, то нетрудно представить себе поведение вооруженных повстанцев, если бы они увидели Ли Сю-чэна в сопровождении двух императорских чиновников.

Ли Сю-чэн отдал своего хорошего коня новому молодому тайпинскому императору, сыну Хун Сю-цюаня. «Государь, шестнадцати лет от роду, еще никогда в жизни не ездил верхом и не попадал ни в какие неприятности... Если он пал от руки конных воинов, они вряд ли знали о том, кого убили!»²⁰. Ли Сю-чэн умалчивает о последнем разговоре со своим государем. Пересаживаясь на некормленную лошадь и сознательно подвергая себя смертельному риску, он, конечно, посоветовал юноше примерный маршрут отступления и договорился с ним о встрече. Будучи озабочен, как замести следы

¹⁶ Ци Бэнь-юй. Указ. соч., стр. 41.

¹⁷ Вычисление эквивалента см.: Ф. Б. Белелюбский. К характеристике социального состава руководства тайпинским восстанием (о «Показании» Ши Да-кая). «Народы Азии и Африки», 1963, № 1, стр. 100.

¹⁸ Ло Эр-ган. Подлинник автобиографии Чжун-вана Ли Сю-чэна, стр. 296, 299.

¹⁹ «Тайпин Тяньго». Т. II, стр. 573.

²⁰ Там же, стр. 834.

беглеца, узник снова возвращается к тревожной теме: «Видимо, его уже нет в живых»²¹. Сообщая о смерти молодого государя, Ли Сю-чэн сознательно вводит в заблуждение Цзэн Го-фаня, который послал эту весть в Пекин. Командующий цинскими войсками на юге Цзо Цзун-тан доложил правительству о спасении юного Тянь-вана вопреки этой реляции. Его донос чрезвычайно разгневал Цзэн Го-фаня. Ли Сю-чэн также сознательно дезинформировал его и о положении тайпинских войск на юге, преуменьшив их силы²².

Ныне уже точно доказано, что Ли Сю-чэн не сдался позорно врагам. Даже слово «капитуляция» («сянь») было вписано в его рукопись другим почерком. Это стало известно только в 1963 г., когда ученые еще раз ознакомились с оригиналом «Показания», вывезенным потомками Цзэн Го-фаня за пределы Китая²³. Как известно, предводители крестьянских восстаний нередко прибегали в борьбе с феодалами к тактике ложной капитуляции. В период династии Хань подобным приемом воспользовался вождь «краснобровых» Фань Чун. Во время правления династии Сун временно сдался и потом поднял опять восстание Ян Хуа. При династии Мин так поступали Лю Шестой и Лю Седьмой, Чжан Сянь-чжун, Ло Жу-цай и др.²⁴. Инстинкт крестьянского революционера подсказал Ли Сю-чэну путь поведения в плену: он действовал по обычным нормам повстанческой морали своей эпохи и не причинил вреда тайпинам, хотя его действия и бросали тень на его имя.

Маоистские же историки грубо нарушают принципы историзма. Когда им это выгодно, они предъявляют крестьянскому вождю требование о соблюдении норм морали иной эпохи. Тем самым они отрицают разницу между крестьянской и пролетарской революционностью. То, как вел себя Ли Сю-чэн в плену, конечно, не приемлемо для пролетарского вожака, если он хочет вести за собой сознательных сторонников.

Первоначально выступление Ци Бэнь-юя было встречено холодно. Редакция ведущего исторического журнала КНР «Лиши яньцзю» предоставила Ло Эр-гану возможность ответить на критику в том же номере, где Ци Бэнь-юй излагал свою точку зрения. Вплоть до № 4 за 1964 г. в журнале не упоминались ни Ли Сю-чэн, ни Ци Бэнь-юй. В разгар «культурной революции» редакционная статья «Жэньминь жибао» поленила причины этого годичного молчания, объявленного ею «заговором»: «В сентябре 1963 г. (через месяц после публикации статьи Ци Бэнь-юя.— Ф. Б.) Чжоу Ян специально созвал совещание с участием ответственных работников различных институтов при Отделении философии и общественных наук Академии наук Китая и органов печати. На этом совещании он первым обрушился на революционную статью товарища Ци Бэнь-юя «По поводу «Показания» Ли Сю-чэна». Он шумел, что «Ли Сю-чэн является «национальным героем» и совершенно неверно называть его предателем. Он приказал Дэн То, Цзян Бо-цзяню и им подобным «дать отповедь» статье Ци Бэнь-юя. Однако этот заговор был своевременно обнаружен и пресечен председателем Мао Цзэ-дуном»²⁵. Выступление Чжоу Яна 14 сентября 1963 г. процитировано в разгромной статье о нем под заглавием «Подонкам истории не остановить половодья революции». «Обелиск павшим героям на площади Тяньаньмынь хранит память и о Ли Сю-чэне...— говорил Чжоу Ян.— Он — живая совесть нации... Ли Сю-чэн — человек прошлого. Нельзя подходить к нему с пролетарскими мерками... Не в наших интересах дискредитировать этого человека»²⁶. В числе критиков Ци Бэнь-юя был также и видный китайский философ Хоу Вай-лу, выступивший 20 сентября 1963 г. в Институте новой истории АН КНР с критикой в его адрес²⁷. Го Мо-жо в этот момент занимал выжидательную позицию. Еще в 1961 г. он написал предисловие к очередному изданию «Показания»

²¹ Там же, стр. 837.

²² Ло Эр-ган. Чжун-ван Ли Сю-чэн кужо хуаньбинци као (Исследование плана самопожертвования Чжун-вана Ли Сю-чэна с целью задержать врага). «Лиши яньцзю», 1964, № 4, стр. 19—80.

²³ «Сысян юй шидай», 1963, № 103, стр. 9.

²⁴ З. И. Горбачева. Крестьянское восстание в Китае. Л. 1935; Л. В. Симонновская. Антифеодалная борьба китайских крестьян в XVII в. М. 1966; Г. Я. Смолкин. Антифеодалные восстания в Китае второй половины X — первой четверти XII в. М. 1974.

²⁵ «Жэньминь жибао», 11.1.1967.

²⁶ См. «Хунци», 1971, № 4, стр. 38—40.

²⁷ «Гуанмин жибао», 16.X.1966.

Ли Сю-чэна, в котором солидаризировался с позицией Ло Эр-гана²⁸. Ци Бэнь-юй резко критиковал соавтора Го Мо-жо — Люй Ци-и, но не упомянул самого президента Академии наук КНР.

Роль Мао Цзэ-дуна как закулисного инициатора выступления Ци Бэнь-юя ныне известна из его резолюции, уже процитированной нами выше. Она помечена 1963 годом. Более точной даты нет. Вполне возможно, что она появилась еще до публикации статьи Ци Бэнь-юя, ибо вряд ли последняя могла быть издана при существовавшей тогда расстановке сил в КПК без поддержки Мао. В июле — августе 1964 г. развернулась кампания «критики предательства Ли Сю-чэна». Повторное выступление Ци Бэнь-юя, почти не содержавшее новых аргументов, одновременно с публикацией в «Лиши яньцзю» почти полностью перепечатали «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао»²⁹. Третий раз оно было переиздано в сборнике статей об исторических личностях Китая периода новой истории³⁰. Но среди выступавших не было единодушия. Кампания превратилась в дискуссию. Оппоненты Ци Бэнь-юя перестроились. Чжоу Янь-фа, Кан Ю-мин, Юань Шу-и и Лу И-цзю заняли компромиссную позицию. Они осудили поведение Ли Сю-чэна в плену, но считали его героем до плена³¹.

Американский ученый С. Уэлли, рассматривая ход дискуссии, выразил удивление по поводу отказа маоистов от данной, очень подходящей, по его мнению, для КПК позиции³². Но в том-то и дело, что маоистская реакционная социальная утопия содержит в себе этические требования, исключающие возможность индивидуальных оценок исторических личностей, любую диалектику характеров. И истина и даже прагматическая пропагандистская целесообразность отступили перед такой «логикой». Осенью 1964 г. была опубликована серия статей, где позиция Ци Бэнь-юя нашла более последовательную поддержку. Более поздние политические события отодвинули вопрос о Ли Сю-чэне. К зиме дискуссия прекратилась. И только задним числом, после завершения «борьбы за власть», понадобилось лживое самохвальство в цитированной выше статье «Жэньминь жибао» от 11 января 1967 г. о том, как «своевременно» был раскрыт Мао Цзэ-дуном «заговор» в защиту Ли Сю-чэна.

Первое выступление Ци Бэнь-юя дает возможность поставить вопрос о своего рода тактике «непрямого действия», применяемой Мао Цзэ-дуном. В данном случае она состояла из следующих элементов: а) сначала Ци Бэнь-юй писал лишь о «Показании» Ли Сю-чэна; б) затем он потребовал негативной оценки всей деятельности этого крестьянского революционера; в) отсюда вытекала «необходимость» осуждения историков, «защищавших» Ли Сю-чэна; г) вслед за ними должны были подвергнуться критике и их «покровители» в руководстве КПК. Борьба перестала быть локальной. Но на это потребовалось несколько лет.

Некоторые иностранные наблюдатели сводят значение выступления Ци Бэнь-юя к тонкому, далеко рассчитанному маневру, подготовившему аргументы для последовавшего через несколько лет устранения группы политических деятелей, близких к Лю Шао-ци³³. Имеется в виду несколько сот партийных работников, арестованных во второй половине 30-х годов гоминьдановцами и по указанию руководства КПК написавших прошения о помиловании в момент создания антияпонского фронта. Затем все они продолжали участвовать в революционной борьбе на ответственных постах, никогда не скрывая этого факта. К их числу относились: министр финансов Бо И-бо, заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПК Ляо Мо-ша, писатель Ай Цин, несколько заместителей министров и другие. Действительно во время «культурной революции» против них была организована травля, поводом для которой стал тот факт, что в подготовке директивы о подаче прошений как средства спасения партийных кадров принимал участие Лю Шао-ци. В частности, газета «Цзинганьшань», орган хун-

²⁸ «Чжун-ван Ли Сю-чэн цышу цзяофубэнь». Предисловие Го Мо-жо и Люй Ци-и. Пекин. 1961.

²⁹ «Лиши яньцзю», 1964, № 4; «Жэньминь жибао», 14.VIII.1964; «Гуанмин жибао», 23.VIII.1964.

³⁰ «Чжунго цзиньдайши женьу цзешао». Пекин. 1965.

³¹ «Гуанмин жибао», 25, 31.VII, 3.VIII.1964.

³² S. Uhalley. The Controversy over Li Hsiu-chen. «Journal of Asian Studies». Vol. XXV, 1966, № 2.

³³ «China News Analysis», 1967, № 663, pp. 3—20.

вайбинов университета Цинхуа, вопрошала: «Что это за сверхъестественные силы поддерживали тайком Ло Эр-гана и компанию? Сейчас вопрос этот полностью разъяснился. Оказывается, все волшебство исходило от Лю Шао-ци, еще более омерзительного главаря-изменника, чем Ли Сю-чэн»³⁴.

Американская исследовательница М. Голдман попыталась найти другое «рациональное зерно» в политической кампании «критики Ли Сю-чэна». По ее мнению, здесь имелся в виду бывший военный министр Пэн Дэ-хуай, снятый с поста в 1959 году³⁵. В какой степени Мао Цзэ-дуну оказалось необходимо вести завалуированную кампанию против Пэн Дэ-хуая (если принять предположение М. Голдман) или открытую кампанию против Линь Бяо спустя годы после их падения, можно решить, лишь исследуя внутреннюю жизнь китайской армии. Пока следует ограничиться предположениями. По-видимому, притчу о «неверном полководце мудрого императора» надо рассматривать как и обобщенное назидание, обращенное к любому современному китайскому военачальнику, как часть борьбы Мао Цзэ-дуна за контроль над армией. Все же, несмотря на любой вариант «расшифровки» конкретных политических целей данной кампании, надо отметить две ее основные стороны: борьбу группы Мао Цзэ-дуна и за политическую консолидацию Китая на маоистской основе и за распространение маоистского мировоззрения.

Первая статья Ци Бэнь-юя, которая должна была начать кампанию, оказалась «фальстартом». Борьбу, причем во многом неудачную, Мао Цзэ-дуну удалось развернуть лишь через год. Ее официальные итоги не подводились. Сигналы об окончании кампании не подавались (в отличие, например, от массовой критики исследователя романа «Сон в красном тереме» Юй Пин-бо, когда было объявлено 6 декабря 1954 г. об ее завершении и переходе к критике Ху Фэна). Видимо, кампания «критики Ли Сю-чэна» потеряла управление. Однако, как и всякая политико-идеологическая кампания в КНР, «критика Ли Сю-чэна» переросла в многоцелевую политическую акцию. И хотя экскурс «решительного левого» Ци Бэнь-юя в историю тайпинов не удался ни в научном, ни в тактико-политическом, ни в этическом отношениях, он снабдил скудный арсенал маоистской пропаганды еще одним нарицательным именем «ли сю-чэн» (типа иуда, квислинг).

Маоисты сформировали ныне собственную «демонологию» — список исторических «злодеев-предателей», перечнем «преступлений» которых запугивают подрастающее поколение. Перечень этот строится по методу «амальгамы» (смеси), использованному во времена Французской буржуазной революции конца XVIII в., когда представителей крайне левых якобинцев Ж. Эбера и Ф. Венсана судили и казнили одновременно с аристократом-роялистом и банкиром-спекулянтом³⁶. Теперь на черную доску выносятся одновременно имена и предателей и подлинных интернационалистов. Но на ней нет имени формально опального Ци Бэнь-юя. И это не случайно. Последние публикации о тайпинах, вышедшие в свет в КНР после шестилетнего перерыва в культурной жизни страны, по-прежнему шаблонно повторяют «идею» Ци Бэнь-юя о предательстве Ли Сю-чэна еще до поражения восстания³⁷.

Ф. Б. Белелюбский

³⁴ «Цзинганьшань», 27.IV.1967.

³⁵ M. Goldman. The Role of History in Party Struggle. «China Quarterly», 1972, № 51, p. 507; e j u s d. The Chinese Communist Party's Cultural Revolution of 1962—1964. «Ideology and Politics in Contemporary China». Seattle and L. 1973, p. 227.

³⁶ А. Олар. Политическая история Французской революции. М. 1938, стр. 561.

³⁷ «От Чэнь Шэна и У Гуана до Тайпин Тяньго». Шанхай. 1972, стр. 124; «Чэнь Юй-чэн». Шанхай. 1972, стр. 41; «Тайпин Тяньго гэмин». Шанхай. 1973, стр. 96—98; «Тайпин Тяньго». Шицзячжуан. 1973, стр. 66